

Мурзилка 1953/04

Детский журнал

УДК 82-1--053.2
ББК 84-5
М91

М91 Мурзилка 1953/04: Детский журнал / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-458-40482-2

Один из лучших детских журналов в СССР

ISBN 978-5-458-40482-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

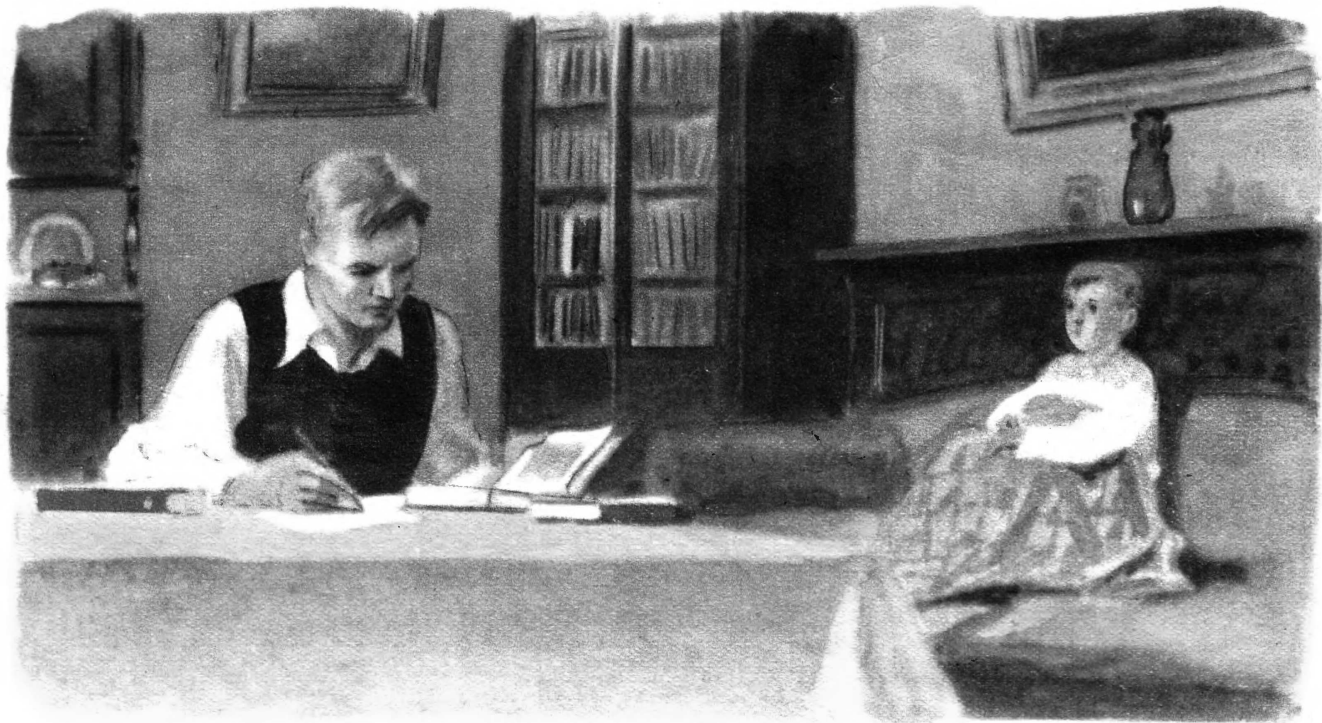
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Прощание с вождём.

А. НЕКРАСОВ

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

У Андрейки в школе каникулы уже кончились. А у Галки в институте только начались, и она вместе с мамой поехала к тётё Шуре на дачу. Андрейка с папой остались домовничать.

Утром они вместе вышли из дому. А когда у Андрейки кончились уроки, папа зашёл за ним в школу. Они пообедали в столовой, а потом папа пошёл к себе на завод, а Андрейка отправился домой.

Никто его дома не встретил, никто не спросил об отметках, никто даже не пожурил за то, что утром он ушёл без калош.

Андрейка побродил по пустым комнатам, сделал уроки. Потом взял книжку, но читать почему-то не хотелось.

Он забрался с ногами на кресло и стал мечтать о том, как придёт папа, почитает... Но из этого ничего не вышло. Андрейка заснул в кресле и к вечеру так разоспался, что папа сонного раздел его, уложил в постель и погасил свет.

Было уже поздно, когда Андрейка проснулся. Ему и раньше случалось просыпаться по ночам, и это всегда было немножко страшно. Но стоило прислушаться к ровному маминому дыханию — страх как рукой снимало.

А тут такая непривычная тишина стояла кругом, что Андрейка перепугался. В комнате было темно. Только из-под папиной двери узкой полоской пробивался свет.

И Андрейке так захотелось туда, поближе к папе, что он скинул одеяло, босой, в одних трусиках пошёл на свет и тихонько приоткрыл дверь. Она жалобно скрипнула, но папа даже не обернулся. Он сидел, склонившись над книгой. Такие же книги в красных переплётках, раскрытые и закрытые, лежали на столе. Андрейка шагнул вперёд и сказал громко:

— Папа, а папа!

Папа обернулся, посмотрел на Андрейку, глянул на часы.

— Это что ещё за прогулки на ночь глядя? — строго сказал он. — А ну, сейчас же в кровать, без разговоров!

Возразить Андрейке было нечего. Но так не хотелось назад в тёмную комнату, так уютно было тут, у папы, что Андрейка зябко поёжился, сделал рот подковкой и сказал с обидой:

— Ну, папочка...

И папа вдруг смягчился.

— Ну, что случилось? — ласково спросил он. — Выкладывай.

— Ничего, — сказал Андрейка. — Ничего не случилось. Можно, я с тобой посижу? Я тихо буду сидеть. Можно, папа?

— Что ж с тобой делать! Сиди... — сказал папа.

Он принёс одеяло, укутал Андрейку и усадил на диван.

— Ладно, — сказал он, — сиди. Только, чур, уговор: не мешать. Ты уроки сделал, а я ещё не успел. Понятно?

— Понятно, — сказал Андрейка и уселся поудобнее.

А папа снова склонился над столом, и, должно быть, что-то очень интересное было у него в книге, потому что он не обернулся ни разу, ни разу не взглянул на часы, только одну за другой переворачивал странички и аккуратно приглаживал их ладонью. Так они сидели долго-долго. Наконец Андрейка не вытерпел.

— Папа, а что вам задали? — спросил он.

— Задали что? — обернулся папа. — Это тебе не понять, Андрейка.

— А интересная книжка?

— Интересная, очень! Это Ленин, сынок.

— А про что там, папа?

— Тут много написано... Про то, как жить, как строить, как побеждать...

— А ты почитай мне вслух, папа, немножечко...

— Почитал бы, — улыбнулся папа, — да ты всё равно не поймёшь: маловат ты, сынок.

— А ты немножечко, папа, самую капельку. Я пойму, вот увидишь — пойму!

— Разве что самую капельку, — согласился папа. — Ну вот, слушай: «...мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем *электрической*». Это Ленин написал, когда тебя на свете не было, а я, как ты, был. Ну, понял?

— Понял, конечно, — сказал Андрейка. — Это чтобы электростанции строить, и в Сталинграде и везде... Это нам Ольга Петровна рассказывала, и в кино мы с Галкой смотрели...

— Ну, молодец, если понял, а теперь сиди тихонько...

— Нет, ещё немножечко, — не унимался Андрейка, — самую чуточку, про то, как строить и как побеждать.

— А об этом вот тут, — папа раскрыл другой том. — Сейчас найду... Ну вот, слушай: «Во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться...»

— Понятно, — сказал Андрейка. — Это сперва, как я, учиться, потом — как Галка, а потом — как ты.

— Ну правильно, — улыбнулся папа. — А теперь сиди и не мешай. Мне ведь тоже учиться нужно.

— Ладно, — согласился Андрейка, — учись.

Он сидел тихо-тихо и слушал, как шелестят странички у папы под рукой. Вдруг папа встал, подошёл к шкафу и достал с полки ещё одну книгу. Андрейка не выдержал и спросил тихонько:

— А это, папа, какая книга?

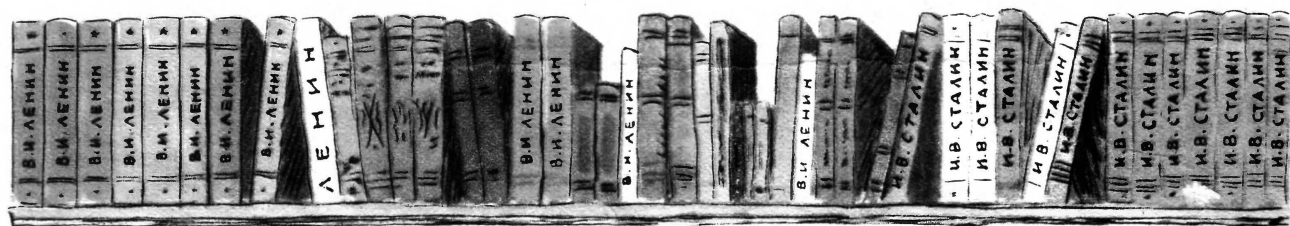
— Это Сталин, Андрюша.

— А про что там, папа?

— Тут? Тут про наш завтрашний день, про тебя, Андрейка, про то, чтобы ты вырос самым счастливым на свете. И ещё... Вот послушай и не забывай никогда: «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять». А теперь всё, — добавил папа, помолчав. — Всё. Уговор наш помнишь?

— Помню, — сказал Андрейка и замолчал.

Он молчал и думал о том, как он вырастет, как прочтёт эти мудрые книги, как научится строить и побеждать...

СЛОВО ДРУГА

Каждый день маленький Минору выбегает на длинную грязную улицу встречать отца.

Толпы усталых рабочих выходят из ворот завода и двигаются мимо мальчика. Многие лица ему хорошо знакомы.

— Ждёшь? — спрашивает его худой быстрый Сато, человек с живыми, весёлыми глазами. — Идёт, идёт твой отец.

И вот, наконец, показывается знакомая высокая фигура: отец идёт, подпрыгивая на ходу; он хромает и спешит, поэтому походка у него такая неровная.

Минору подбегает и прижимается к нему: теперь у мальчика тепло и спокойно на сердце — отец с ним.

Минору живёт в большом японском городе — Токио. Огромной подковой Токио лежит на берегу моря.

Это очень красивый город. В нём много парков с замечательными деревьями — криптомериями. В парке весной пышно цветут вишни и яблони, а летом — глицинии, азалии, камелии, лилии. Осенью здесь распускаются тысячи хризантем.

На окраинах же дымят трубы огромных заводов и заволакивают узкие улицы

гарью и дымом. Здесь нет никакой зелени, в жалких домиках ютятся рабочие завода. Здесь живёт и Минору.

Вечером отец с облегчением вытягивается на нарах в лачуге, где вместе с ними живут ещё четыре семьи. Сырой ветер дует с залива, по небу несутся влажные хлопья облаков. Холодно. Мальчик с сожалением смотрит на отца.

— Ничего, малыш, — говорит отец, — это всё-таки жилище. Счастье, что я работаю, а ты будешь учиться...

— Отоо-сан, а если бы нам вернуться в деревню, где мы жили так хорошо? — спрашивает Минору.

— Там уже нет нашей деревни, — говорит отец, — там американцы выстроили дома, чтобы отдыхать у моря. Подожди, мальчик, мы будем жить лучше.

Но Минору думает, что нельзя жить лучше, чем они жили.

* * *

Маленький Минору больше всего на свете любил сидеть рядом с дедом на высокой сопке и смотреть в море. Отец Минору тогда был на войне.

В яркое весеннее утро всё население маленькой японской деревушки собирается на берегу. Широкие тёмные лодки — кавасаки медленно двигаются от берега по голубой воде залива. Рыбаки сидят на корме, скрестив ноги и покуривая трубочки. Они ждут сигнала с берега.

Дедушка Кинтаро — главный наблюдатель за ходом сельди — с самого рассвета сидит на сопке и смотрит прищуренными глазами на спокойную поверхность моря. Тёмное лицо его с глубокими морщинами у глаз немного приподнято. Над верхней губой торчит несколько длинных, ещё чёрных волосков — усы.

Но вот дедушка Кинтаро медленно поднимает правую руку и козырьком ставит над глазами.

— Что там видно, одзии-сан? — спрашивает Минору.

Дедушка Кинтаро тихо кладёт ему руку на плечо — это значит: не мешай.

Красноватое пятно появляется на воде и медленно движется к берегу: это входит в бухту сельдь.

Дедушка встаёт, берёт в руки два флажка и, размахивая ими, подаёт сигнал рыбакам на лодках. Сельдь пришла! И уже старик-наблюдатель не упустит её из виду: флажки в его руках порхают, как две большие бабочки, а рыбаки следят за их движениями и обводят сетью косяк сельди.

Тут уж Минору помогает! Иногда дедушка даёт ему помахать флажком, иногда посылает вниз, на берег к рыбакам, и там Минору видит милое лицо матери. Его мать вместе с другими женщинами тащит по берегу толстый канат, брошенный с лодки, и подтягивает к берегу кавасаки.

Лодки приближаются к берегу, в длинной сети густо плещется серебряная рыба.

Минору не знает, что труд матери очень тяжёл, — он ещё совсем маленький; ему радостно видеть мать, сияющий голубой залив, смотреть на сопку, где трепещут два флажка — красный и белый.

Минору не знает и того, что за эту тяжёлую работу рыбакам достанется всего одна четверть улова, всю остальную сельдь возьмёт хозяин сетей и лодок. Но мальчик знает, что сегодня мать и дед будут спокойны: в доме есть еда.

Дедушка Кинтаро говорил:

— Посмотри, Минору-тян, нет ничего на свете красивее и лучше нашей земли.

И Минору всегда с ним соглашался.

Чёрные глазки Минору с любовью смотрели на приземистые сосны с искривлёнными стволами, на старинное здание на холме с красными лакированными колоннами под яркозелёной крышей, на бамбуковую рощу, где среди голых стволов стоят маленькие домики, а над ними светлозелёным шатром раскидывается листва бамбука. Минору был худенький, загорелый, быстрый. Его мать и дедушка

жили бедно, но мальчик не замечал бедности: ведь мать и дедушка были с ним и любили его.

— Японцы боятся только трёх бедствий: пожара, землетрясения и наводнения, — говорил дедушка Кинтаро. — Каждое из них может разрушить страну.

Ни одного из этих бедствий не случилось в детстве Минору. Даже отец его вернулся с войны. Это было большим счастьем, хотя отец был тяжело ранен и долго не мог работать: всё лежал на берегу. Понемногу он поправился.

Но однажды Минору увидел: в их деревню на красивой машине въехали американцы. Они прошли по берегу, поднялись на сопку, откуда дедушка Кинтаро смотрел на море, и приказали всем выселиться из деревни...

У отца Минору были товарищи в Токио, и он с семьёй ушёл к ним в город. Поступить на завод в городе было очень трудно. Отец и мать ходили на тяжёлую подённую работу. Семья голодала, и мальчик стал теперь совсем худой, как щепка.

Они жили в землянке, на пустыре; американцы во время войны сожгли рабочие посёлки зажигательными бомбами. Дедушка Кинтаро ходил теперь по улицам огромного города с мешком в руке — собирал гвозди, консервные банки и, продавая их, приносил домой немного овощей. Он согнулся, под глазами его набухли толстые складки, он стал совсем стариком.

Но самое великое горе свалилось на плечи Минору, когда однажды, прибежав домой, он увидел, что мать лежит на цыновке и глаза её открыты.

Мальчик кинулся к матери, прижался к её груди, но рука её не поднялась к его голове. Отец обнял сына, и они вместе заплакали.

Минору уже привык ходить по городу. Повсюду он встречал американских солдат: они сидели, выставив ногу перед японскими мальчиками — чистильщиками сапог; они входили в магазины, куда японцам вход воспрещался. Лучшие дома занимали американцы. Рикши-японцы везли по улицам американцев. В больших домах были даже лифты «только для иностранцев». «Американцам, — думал Минору, — наверно, везде мешают японцы». Везде он

видел этих крупных людей, которые смотрели на него, как на вещь, а не как на живого мальчика.

— Вот, Минору-тян, — говорил дедушка, — американцы принесли в нашу страну все три беды сразу.

* * *

Однажды отец сказал Минору, что в день Нового года он возьмёт его с собой на улицу. Минору очень любил ходить с отцом, он бегал за ним, когда рабочие собирались большими отрядами и объявляли забастовку. И Минору знал от отца, что владельцы заводов боятся рабочих, когда они объединяются вместе. В дни забастовок отец не работал, дома не было еды. Минору худел и чернел, все его рёбрышки были видны, но он был бодр и весел: отец говорил, что рабочие, соединясь, добудут себе право быть хозяевами страны, как завоевали это право в стране Сталина. И показывал сыну газету с портретом Сталина.

Итак, в любимый японцами праздник Нового года отец с сыном пошли на самые красивые улицы города. Сегодня там было много рабочих, и полицейские, выстраиваясь на площадях и у ворот парков, не разгоняли их, потому что Новый год в Японии — особенный праздник, когда всюду звучит музыка и в воздух запускают тысячи воздушных змеев.

Отец и Минору дошли до большой толпы рабочих и остановились.

— Сталин! — услышал Минору, и другой человек, отвечая первому, тоже сказал: «Сталин!» Имя Сталина повторялось во всех концах. Кто-то сказал: «Слушайте, слушайте!» И тогда Минору узнал, что Сталин вчера прислал японскому народу послание.

Громко произнося слова, высокий человек читал:

«Прошу передать японскому народу, что я желаю ему свободы и счастья, что желаю ему полного успеха в его мужественной борьбе за независимость своей родины».

Товарищ отца, живой и быстрый Сато, стоял, прислонив к цветущим зелёным кустам изгороди парка огромный змей, а два полицейских подходили к нему с двух

сторон. Сато мигнул Минору, а Минору дёрнул за рукав отца.

Голос читающего послание Сталина окреп и зазвучал громче:

«Народы Советского Союза... вполне понимают страдания японского народа, глубоко сочувствуют ему и верят, что он добьётся возрождения и независимости своей родины так же, как добились этого в своё время народы Советского Союза...»

Минору слушал, а сам следил, что там держит Сато. Один из полицейских резко оттолкнул Сато и рванул край его змея. За змеем открылся красиво нарисованный портрет Сталина. Минору смотрел на него, не сводя глаз.

Полицейские старались отнять у Сато портрет, а к Сато уже подбежал отец Ми-

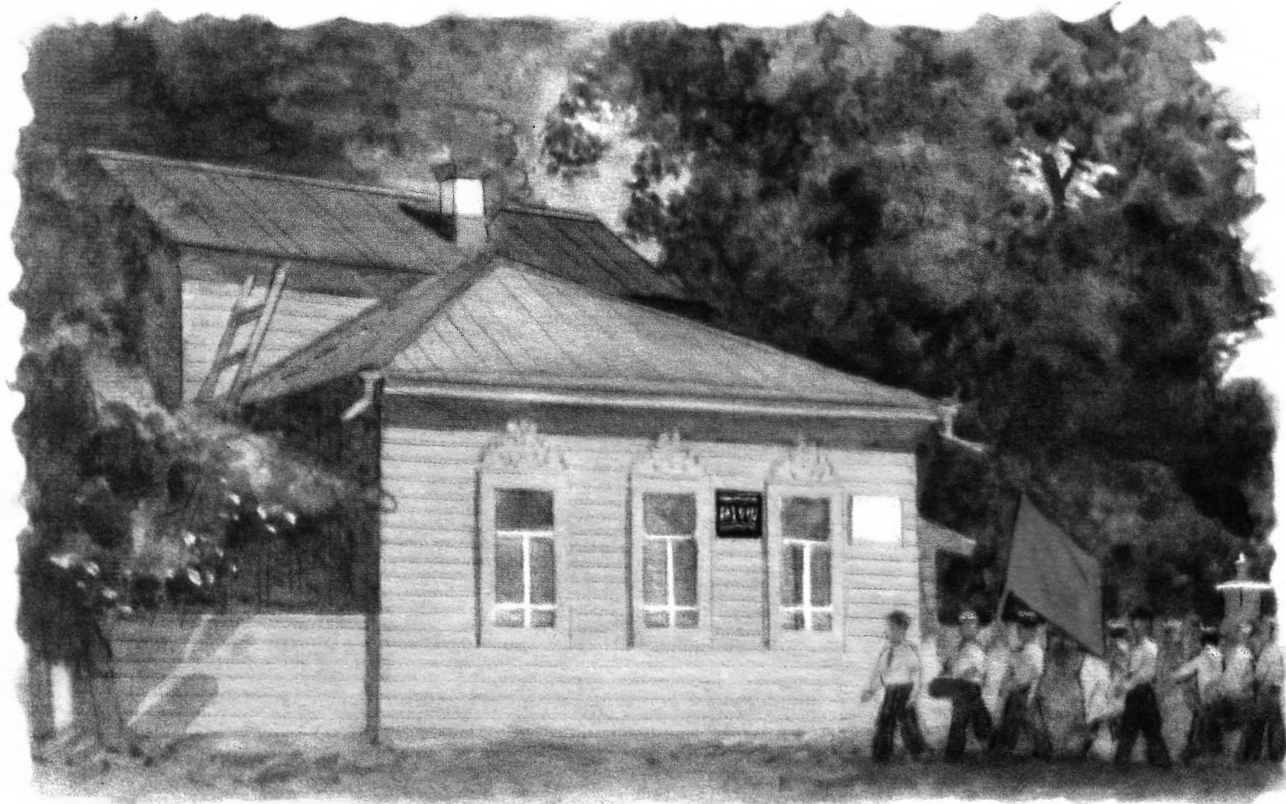
нору. Вместе они схватили портрет и быстро передали его стоявшему с краю рабочему, тот другому, и портрет поплыл над головами рабочих, сомкнувшихся так тесно, что ни один полицейский не мог пробраться сквозь эту живую стену.

Вечером этого дня Минору долго не мог заснуть. Он думал о Сталине, сильном и добром человеке, который знает о страданиях японского народа.

Наверно, он знает и об отце Минору и о Сато, который нарисовал такой хороший его портрет. Знает и о маленьком Минору и даже о дедушке Кинтаро, старом, усталом человеке. Вот он сидит на цыновке, смотрит на Минору и говорит:

— Нет ничего дороже слова друга, оно помогает преодолеть всякую беду.

ПО СТАЛИНСКИМ МЕСТАМ

Вся жизнь Иосифа Виссарионовича Сталина — великого вождя, любимого отца и лучшего друга трудящихся всего мира — навсегда останется в памяти народов.

Места, где жил товарищ Сталин, каждая вещь, которая хоть однажды служила ему при жизни, — драгоценная память о великом человеке.

В Гори, где родился, рос и учился Иосиф Виссарионович, советский народ бережно сохранил домик Сталина и превратил его в музей.

Есть такие домики-музеи и во многих других городах — всюду, где жил и работал товарищ Сталин, где он томился в тюрьмах и ссылках, где вёл народ в бой против врагов революции.

Со всех концов мира приезжают сюда

молодые и старые люди, чтобы побольше узнать о любимом вожде, чтобы своими глазами увидеть, как жил и трудился товарищ Сталин, чтобы поучиться у него скромности и стойкости, преданности великому делу коммунизма и ненависти к врагам революции.

Есть такой музей в северном городке Сольвычегодске, где товарищ Сталин дважды отбывал царскую ссылку.

В Сольвычегодск приезжали ребята-пионеры, воспитанники детских домов города Архангельска. Они осмотрели музей, зажгли «костёр дружбы» на сталинской полянке, а потом всё, что видели, всё, что слышали, всё, о чём передумали, записали в своих дневниках.

Тут мы помещаем отрывки из их записей.

НА БЕРЕГАХ ВЫЧЕГДЫ

Наш маленький пароходик подошёл к Сольвычегодску. Мы все собрались на левом борту, да так, что пароход наклонился: уж очень нам хотелось поскорее увидеть домик, в котором жил товарищ Сталин. Но с парохода мы так и не увидели его. Городок утопает в зелени, и домов почти не видно за деревьями.

Наутро проснулись пораньше, сделали зарядку и побежали к давно проснувшейся речке. Умылись, позавтракали и пошли в музей — домик, где товарищ Сталин четыре месяца жил в ссылке.

На стенах музея развешено много фотографий, документов и картин. На одной изображён товарищ Сталин. Он идёт вместе с другими заключёнными, а кругом, с винтовками на плечах, солдаты-конвоиры. Видно, что путь не лёгкий и ветер дует навстречу, но товарищ Сталин шагает, гордо поднимая голову.

На другой картине — полянка на берегу реки Вычегды. Костёр, высокие сосны. Товарищ Сталин что-то говорит... А кругом у костра сидят и стоят ссыльные революционеры — слушают товарища Сталина. Это маёвка, которую проводил товарищ Сталин в 1909 году.

Ещё картина. На ней нарисовано, как товарищ Сталин идёт один по низкому берегу Вычегды. За ним река, а там, за рекой, город. Это побег товарища Сталина. Как ни стерегли его царские слуги, а он ушёл от них в Баку, куда звала его революционная работа.

Товарищ Сталин был всегда отважным, смелым, всегда готовым на подвиг борцом за коммунизм.

В музее нам показали книгу записей. Мы почитали записи, и оказалось, что в этих дорогих советским людям местах побывали пионеры Воркуты, Ярославля, Горького, Москвы и многих других городов Советского Союза.

РИММА РЕДЬКИНА,
4-я школа, г. Архангельск

ЗДЕСЬ ЖИЛ ВЕЛИКИЙ СТАЛИН

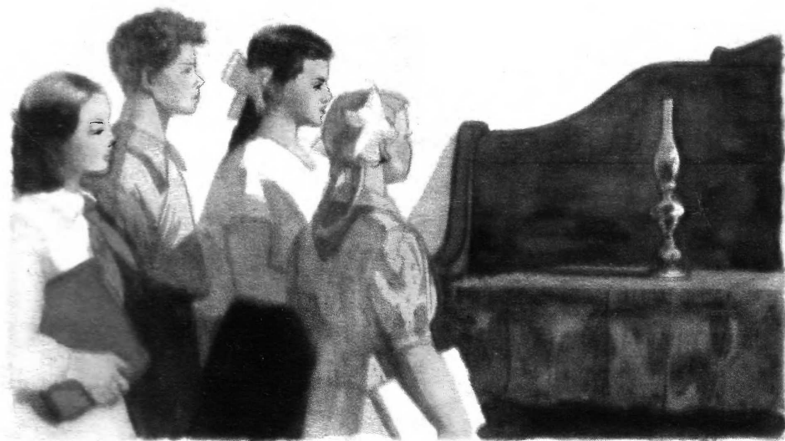
Сегодня мы были в Сталинском музее. Он помещается в двух домиках. Домики стоят через дорогу и со всех сторон окружены высокими стройными липами и лиственницами.

Домик побольше — коричневый, с мезонином. Тут товарищ Сталин жил в 1909 году, и отсюда он бежал. А в маленьком он прожил около года — с октября 1910 года до 6 июля 1911 года.

В комнате, где жил товарищ Сталин, всё сохранилось, как было при нём: бревенчатые тёмные стены, белёный потолок. Против печки узкая деревянная кровать, деревянный диван с высокой спинкой и перед ним стол, покрытый ветхой клеёнкой. Несколько стульев. В простенках между окнами кадучки с комнатными растениями.

На столе стоит керосиновая лампа. Я смотрела на неё, и мне всё представлялось, как зимней ночью, под новый 1911 год, при свете этой лампы Иосиф Виссарионович писал письмо в ЦК партии.

«Мне остаётся 6 месяцев, — написал он тогда. — По окончании срока я весь к

услугам. Если нужда в работниках в самом деле острая, то я могу сняться немедленно...»

В сенях висят большие часы вроде ходиков. Тут же простой умывальник. Мы смотрели на эти вещи, и мне всё каза-

лось — вот заскрипит половица и товарищ Сталин выйдет взглянуть на часы.

Потом мы вышли во двор. Я присела на завалинку и подумала, что, наверное, и товарищ Сталин сидел тут по вечерам. Потом мы пошли смотреть колодец, из которого товарищ Сталин брал воду. Мы достали воды из колодца, и все пили эту воду.

В этот вечер я никак не могла заснуть — всё думала о том, какой замечательный, какой простой и какой великий человек наш любимый вождь товарищ Сталин.

ВАЛЯ БЫКОВА,
детский дом № 2,
г. Архангельск

«КОСТЁР ДРУЖБЫ»

Сегодня у нас был необыкновенный костёр. На широкой полянке, окружённой высокими северными соснами, густым ельником и кустами вереска, словно маки в зелёном саду, расцвели красные галстуки пионеров.

С каким огромным волнением шли мы сюда, чтобы зажечь «костёр дружбы»! Ведь подумать только: вот на этом самом месте, на этой полянке, не раз бывал товарищ Сталин. Он проводил здесь тайные собрания, и эти самые сосны слышали его слова...

Зазвенели горны. Запылал костёр. Взвилось к небу яркое пламя. А мы стояли и слушали рассказ о том, как рос и учился товарищ Сталин, как он начал борьбу с царизмом, как подружился с Лениным,

и о том, как царские жандармы сослали его сюда, в Сольвычегодск.

Давно закатилось солнце, на небе зажглись яркие светлячки звёзд, красные огоньки бакенов расцвели потемневшую Вычегду... А мы всё подбрасывали в костёр вересковую хвою. Огонь бушевал и трещал, освещая сталинскую полянку.

Я поглядела на речку и вспомнила слова из северного сказа:

Ой ты, речка Вычегда...
Ты водой поила света
Сталина,
Ты несла его на струях
своих...

Этот сказ о том, как товарищ Сталин бежал из ссылки, мы слышали здесь, в Сольвычегодске. А потом ходили на берег, на то самое место, от которого товарищ Сталин ночью оттолкнул лодку и поплыл на ту сторону.

Костёр тем временем догорал. Наконец он погас, и тёмной ночью, под звуки барабанов и горнов, мы двинулись домой.

И понеслась над соснами песня: «Вперёд, заре навстречу...»

Мы и в самом деле шли заре навстречу. Северная летняя ночь коротка, и алая каёмка уже не вечерней, а утренней зари чётко обозначилась на восточном краю неба.

СИМА КУЛАКОВА,
детский дом № 1,
г. Архангельск

